

А. В. Колмогорова, М. Е. Шестаков
Красноярск, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЛИЦЕДЕЙСТВА В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются роль и функции феномена коммуникативного лицедейства в российском политическом дискурсе. На материале одного из предвыборных выступлений В. В. Жириновского доказывается, что коммуникативное лицедейство выполняет усиливающую, концептуализирующую и эпистемическую функции в процессе персуазивной коммуникации политика и его электората.

Методологию исследования составляют базовые понятия дискурс-анализа, а также исследовательские процедуры, свойственные французской школе анализа персуазивного дискурса: выявление и описание ключевого концепта, риторических инструментов, используемых для его конструирования и внедрения, в состав которых входит исследуемый феномен коммуникативного лицедейства, и, наконец, определение функции коммуникативного лицедейства в организации дискурса политического деятеля.

Как показывают результаты проведенного анализа, коммуникативное лицедейство включено в наиболее важные этапы убеждающей риторики: самопозиционирование и доказательство правильности собственной позиции. Оно формирует концептуальную канву дискурса и служит созданию эпистемических иллюзий (то, что считалось «верованием», наивным стереотипом, стало восприниматься как знание). Итак, можно заключить, что коммуникативное лицедейство в политическом дискурсе выполняет ряд функций в процессе разворачивания аргументации: усилительную функцию; концептуализирующую функцию; эпистемологическую функцию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; коммуникативное лицедейство; персуазивный дискурс; аргументация; прагматика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск); адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 1, каб. 234; e-mail: nastiakol@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шестаков Михаил Евгеньевич, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Сибирский федеральный университет (г. Красноярск); адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 1, каб. 234; e-mail: mihan-plyt@mail.ru.

ВВЕДЕНИЕ

Данная публикация посвящена проблеме описания прагматических функций такого феномена устного контактного общения, как коммуникативное лицедейство. Объектом исследования является феномен коммуникативного лицедейства в политическом дискурсе. В качестве материала выступают видеозаписи выступления В. Жириновского перед представителями СМИ. Методологию исследования составляют базовые понятия дискурс-анализа [Dijk 1997, 2006; Chilton, Schaeffner 1997], а также исследовательские процедуры, свойственные французской школе анализа персуазивного дискурса [Серио 1999, Charaudeau 2002]: выявление и описание стратегий, реализующих каждый из этапов убеждения, риторических инструментов, используемых для его конструирования и внедрения, в состав которых входит исследуемый феномен коммуникативного лицедейства, и, наконец, определение функции коммуникативного лицедейства в организации дискурса политического деятеля.

ФЕНОМЕН КОММУНИКАТИВНОГО ЛИЦЕДЕЙСТВА

Коммуникативное лицедейство — феномен, который был впервые отмечен нами при анализе речевого взаимодействия матери с ребенком в русской лингвокультуре [Колмогорова 2013]. Мы анализировали корпус видеозаписей и обнаружили, что в ряде случаев мать отклоняется от когнитивной роли «я, здесь — и — сейчас действую-

щая/говорящая», занимая другие когнитивно-коммуникативные позиции, описать которые можно, используя коннектор условности *как бы*. Например, нами зафиксирован ряд ситуаций, в которых мать говорит и действует как *как бы* а) ребенок, разговаривающий с ней самой; б) ребенок, взаимодействующий с другим взрослым; в) посторонний человек или вымышленный персонаж, разговаривающий с ребенком; г) мать, находящаяся в другом эмоциональном состоянии и в другой ситуации, нежели она есть на самом деле (например, понарошку рассерженная мать); д) другой человек, разговаривающий о данной матери и о данном ребенке.

Термин «коммуникативное лицедейство» призван отразить некоторое раздвоение, манифестирующееся в речевом поведении говорящего. Значение лексемы *лицедейство* толкуется, как правило, через лексемы *представление* (театральное) и *притворство* [Ожегов 1987: 280]. Опираясь на театральный контекст употребления лексемы *лицедейство*, предполагающий временное отождествление актером себя с персонажем [Захава 1978: 66] при сохранении самоидентификации, мы употребляем сочетание «коммуникативное лицедейство», акцентируя момент ограниченного во времени перевоплощения говорящего. При этом «затушевывается» параметр сознательности данного действия: для профессионального актера лицедейство есть осознанно выбранное ремесло, тесно связанное с набором профессиональных навыков перевоплощения,

© Колмогорова А. В., Шестаков М. Е., 2015

а для «обычного» коммуниканта, временно покидающего свою когнитивно-коммуникативную роль, степень осознанности перевоплощения варьируется. Таким образом, **коммуникативное лицедейство** есть временное отождествление говорящим себя с другим человеком, сопровождаемое краткосрочной заменой собственных привычек вербального и невербального поведения имитируемыми привычками, свойственными изображаемой личности, и маркируемое в речи автореференциональным сдвигом (временная атрибуция я к объекту перевоплощения). При этом коммуникативное лицедейство, не имея эстетической ценности, используется в качестве особого приема для реализации актуальных для говорящего коммуникативных целей.

КОММУНИКАТИВНОЕ ЛИЦЕДЕЙСТВО И СМЕЖНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

В проблемном поле коммуникативной лингвистики и лингвопрагматики случаи размывания или смещения и наложения границ категорий Я/ДРУГОЙ всегда вызвали живой интерес. Так, швейцарским исследователем Д. Вайсом была введена в поле лингвопрагматического анализа обширная категория так называемых ксенотекстов — прецедентных текстов и простых малоизвестных цитат из чужой, внепарламентской речевой среды, используемых депутатами Государственной думы во время парламентских дебатов [Вайс 2012, 2014]. Однако ксенотексты, как отмечает Д. Вайс, вводятся в речь либо особыми метатекстовыми «скрепами», либо именованием автора или номинацией жанрового маркера цитируемого произведения [Вайс 2014: 44]. В случае с коммуникативным лицедейством его единственным маркером является резкая и нарочитая замена говорящим привычной для него манеры речевого и неречевого поведения другой, свойственной иному человеку, сделать которого узнаваемым входит в целевую установку говорящего.

Другой феномен, близкий к рассматриваемому, — стратегия речевой маски. Суть данной стратегии в том, чтобы сменить свою речевую манеру на иную, которая принадлежит обобщенному социальному или профессиональному типу, отраженному в нашем языковом сознании [Шпильман 2006: 6]. Так, агент секретных служб может временно использовать речевую маску журналиста, воспроизводя некие стереотипные речевые манеры, свойственные, согласно общепринятому мнению, именно журналистам. Коммуникативное лицедейство же представляет собой, в отличие от речевой маски, во-первых, имитацию не просто типизированного речевого поведения представителя какой-либо социальной группы, а конкретной личности, индивидуальности — отдельного «персонажа», а во-вторых, происходит это без единого намека на имплицитность или сокрытие, так, чтобы наблюдатели могли отчетливо видеть происходящую смену, перевоплощение.

Говоря о перевоплощении, упомянем и непосредственно касающийся этого аспекта феномен перевоплощенной языковой личности. Это языковая личность, которая временно воссоздает в условиях публичности иной языковой образ, обу-

словленный творческим замыслом режиссера и сценариста/ драматурга, базирующийся на собственном речевом опыте и языковой компетенции [Колмогорова, Косинова 2013]. Отталкиваясь от собственной психологической природы, языковая личность изменяет некоторые существенные свои характеристики, вбирает черты чужого, имитируемого ею, образа. Сопоставляя перевоплощенную языковую личность с коммуникативным лицедейством, отметим, что для первого случая характерно более долговременное перевоплощение в специально для того предназначенном контексте (сцена, съемочная площадка) в целях реализации какого-либо не собственно коммуникативного, а, скорее, эстетического задания, конструируемого не самим перевоплощающимся, а другими — режиссером, сценаристом, продюсером, наконец.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наблюдения за речевым материалом показали, что коммуникативное лицедейство встречается прежде всего в неформальном общении, где выполняет разнообразные, а иногда и прямо противоположные коммуникативные функции: урегулирования конфликтной ситуации, обострения конфликта, а также контактоустанавливающую функцию, функцию эмоциональной разрядки. Однако случаи использования коммуникативного лицедейства были нами обнаружены также и в контексте политического дискурса, в частности, в выступлениях В. В. Жириновского. В рамках идеологического дискурса исследуемый прием выполняет другую функцию — аргументирующую. Смена дискурсивных рамок и функционала коммуникативного лицедейства потребовала ухода от исключительно коммуникативной методологии к процедурам анализа персуазивного дискурса. Согласно французской школе дискурс-анализа П. Шародо [Charaudeau 2006, 2008], в политическом дискурсе реализуется преимущественно такой аргументативный модус, как убеждение (а не демонстрация или экспликация, например). Отправной точкой развертывания персуазивного дискурса является, по П. Шародо [Charaudeau 2008], коммуникативная ситуация, которая дает коммуникантам «ключи» для интерпретации всего коммуникативного события — дискурсивные инструкции. Далее субъект аргументации, согласно идеальной модели, конструирует дискурс, последовательно решая следующие задачи: 1) установление контакта; 2) ликозидание (создание собственного имиджа в глазах собеседников); 3) вовлечение собеседника в круг своих ценностей и установок; 4) собственно аргументация. На этапе ликозидания говорящему необходимо убедить слушающего в своей легитимности как обладателя права на речь (стратегия легитимизации), на этапе вовлечения в круг собственных ценностей — заставить слушателя поверить в адекватность и «правильность» этих ценностей (стратегия создания доверия), а также привлечь и удержать внимание собеседника (стратегия эмоционального захвата). На этапе аргументации субъект персуазивного дискурса использует три вида стратегий: стратегии проблематизации (постановка проблемы), самопозиционирования

(объяснение собственного выбора), доказательств правильности отстаиваемой позиции. При этом для реализации каждой стратегии важен способ рассуждения (дедукция, аналогия, противопоставление, подсчет), тип знания, который служит когнитивной базой, референциональной опорой (собственно знания и верования) и модальность высказывания. Опираясь на описанную систему исследовательских конструктов, рассмотрим фрагмент выступления В. В. Жириновского во время предвыборной президентской кампании 2012 г., принимая во внимание тот факт, что политический дискурс всё чаще реализуется как политический медиадискурс [Будаев, Чудинов 2008: 8]

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Кратко охарактеризуем коммуникативную ситуацию: проанализированный материал представляет собой фрагмент выступления В. В. Жириновского в качестве кандидата в президентской РФ от либерал-демократической партии. Выступление является частью большой пресс-конференции, которую кандидат дал под эгидой агентства «Интерфакс» представителям ведущих российских и зарубежных медиа. Все собравшиеся прекрасно понимают, что основным кандидатом и наиболее вероятным победителем предвыборной гонки станет кандидат от «партии власти» В. В. Путин, который на момент выборов исполнял обязанности Председателя Правительства и, по сути, от руководства страной не уходил. В таком контексте дискурсивные инструкции, определяемые ситуацией, таковы: говорящий оспаривает право на власть у того, кто ее уже имеет, слушающие должны принять или отвергнуть позицию конкурента существующей власти.

Начало видеофрагмента совпадает с этапом ликозидания в персуазивном дискурсе. В. В. Жириновский использует для самопрезентации стратегию «от противного», подчеркивая, что нынешняя власть в лице «кремлевского кандидата» относится к нему негативно, что «автоматически» должно в рядах оппонентов вызвать положительную оценку образа кандидата — либерал-демократа:

На 90 % мы расходимся с позицией кремлёвского кандидата и отношения самые прохладные / потому что э-э-э [0,3] / я его раздражаю / ему ближе тихие чиновники... [0,2] кабинетные // [говорит тихим монотонным голосом]

Это вопрос стиля / он сидит и тихо разговаривает / он не понимает / что страна требует окрика //

В последней реплике говорящий переходит к реализации этапа проблематизации: «Какая власть нужна России — сильная или слабая?»

Одновременно В. В. Жириновский формирует две важные для дальнейшего развертывания аргументации импликатуры:

1. «Кремлевский» кандидат любит кабинетных, тихих чиновников → меня он не любит → я не кабинетный, я из народа, я — глас народа.

2. Тихий → безвольный → отсутствие власти.

Далее мы наблюдаем развертывание самопозиционирования кандидата: он — за сильную власть. Говорящий преобразуется, принимая

«царскую» позу (ассоциируемую, пожалуй, с кинообразом Петра I):

МОЛЧАТЬ! [кричит, бьет кулаком по столу]

/ Вот это страна почувствует / вот это царь! Император! ВСТААТЬ! [подбородок приподнят, жест «указующий перст», высокомерный взгляд на присутствующих «сверху вниз»].

Прибегая к коммуникативному лицедейству, В. В. Жириновский использует стратегию апелляции к прецедентности: перед наблюдателями предстает уже не фигура политика, а царь. Возникают цепочки кинообразов монархов, в частности Петра I, неистово борющегося с мздоимством и взяточничеством в советских кинороманах на историческую тематику. Таким образом, коммуникативное лицедейство способствует также и реализации стратегии захвата внимания через прием драматизации. Формируется еще одна импликатура: громкий → сильный → власть.

В. В. Жириновский продолжает, но мгновенно преобразившись в В. В. Путина, имитируя его тихий бесстрастный голос и специфическую интонацию, характерную для рабочих совещаний правительства, которые широко транслируются по телевидению:

/ садитесь / ну как у вас там дела/зарплату / ну / надо повысить / учителям / ну среднеэкономическая по стране/ вот у вас ЖКХ вроде бы повысилось [разводит руками]

Вновь «примеряет роль» самодержца:

[кричит] БЕЛЫХ, Я ТЕБЯ ВЫГОНЯЮ! ТЫ ТАМ В ШВЕЦИИ, ТАК И ОСТАВАЙСЯ В ШВЕЦИИ [жест «указующий перст»] У ТЕБЯ ТАМ ПОВЫШЕНИЕ 40 % ЗА ГАЗ И ЗА СВЕТ

Другие губернаторы / всё стоп / проверять давай // [жест «стоп», обе ладони наружу]

// [вновь тихий голос, специфически «путинская» интонация] *вот я возможно приеду в Кремль / вот в мае / я посмотрю / я кого-то может быть накажу / вы знаете [поправляет галстук] как я / как он сказал? А бережно! [возвращается к собственной интонации] / как я бережно отношусь к кадрам [имитируя В. Путина, говорит тихо, монотонно, разводит руками]*

В данной части с помощью коммуникативного лицедейства субъект аргументации переходит непосредственно к доказательству отстаиваемого им тезиса о необходимости «сильной руки». При этом основной стратегией является стратегия противопоставления. Важную роль при этом играют вспомогательные стратегии доказательства: стратегия моделирования возможного мира через прием драматизации и стратегия создания доверия. В рамках первой из двух наблюдатели оказываются вовлеченными в театральное действо, в котором на одной воображаемой сцене видят привычные и широко тиражируемые телевидением сцены общения Председателя Правительства с подчиненными по животрепещущим проблемам, касающимся каждого жителя страны. На другой воображаемой сцене моделируется некий возможный мир, где сильная правящая «рука» бьет по столу и решает всё те же проблемы в мгновение ока. Таким образом, формируется основной аргумент: слабая власть не может решить насущные проблемы, а сильная — может! Стратегия же создания доверия — побочный эффект драмати-

зации: наблюдатели этой смены сцен невольно оказываются как бы свидетелями «реальных» событий. Следовательно, не поверить собственным глазам они не могут.

Заканчивается выступление реализацией стратегий раскрытия обмана и обличения:

// Какие кадры? / по коррупционной схеме кадры?! / мы почему поддержали назначение губернаторов? / мы думали всех заменят и будут работать бешено ребята / зная что через 5 минут тебя снимут // Такая же мафия пошла / никакой разницы, поэтому в чем беда России? // Выбираем губернаторов не тех / назначаем не тех // Госмонополия — ничего не получается / частный сектор / полностью приватизация — ничего не получается //

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АНАЛИЗА

Проведенный анализ показывает, что коммуникативное лицедейство в политическом дискурсе является действенным приемом в процессе реализации стратегий самопозиционирования и доказательства в контексте персуазивной коммуникации. При этом коммуникативное лицедейство является составляющей частью таких стратегий самопозиционирования, как апелляция к прецедентности и «захват внимания». В рамках доказательства правильности собственной позиции коммуникативное лицедейство привлекается в качестве инструмента реализации стратегий моделирования возможного мира через прием драматизации и создания доверия. Кроме того, при помощи коммуникативного лицедейства создается метонимическая дихотомия концептуальных пар: СИЛЬНЫЙ ГОЛОС — СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ / ТИХИЙ ГОЛОС — СЛАБАЯ ВЛАСТЬ. Таким образом, ГОЛОС становится ключевым идеологическим концептом анализируемого дискурса. При помощи коммуникативного лицедейства трансформацию претерпевает и когнитивная основа аргументации: то, что П. Шародо называет «верованиями» (установки, мнения, предрассудки) — устойчивые народные мнения о том, что власть должна быть сильной, что сила манифестируется в умении оратор и т. д., — пройдя испытание лицедейством, приобретает статус истинного знания — ведь это то, что было увидено своими глазами, прочувствовано наблюдателями-зрителями.

ВЫВОДЫ

В политическом дискурсе феномен коммуникативного лицедейства играет важную роль в процессе убеждения, оказания воздействия на аудиторию. Коммуникативное лицедейство оказывается включено в наиболее важные этапы аргументации: самопозиционирование и доказательство правильности собственной позиции. Оно формирует концептуальную канву дискурса и служит созданию эпистемических иллюзий (то, что считалось «верованием», наивным стереоти-

пом, стало восприниматься как знание). Итак, можно заключить, что коммуникативное лицедейство в политическом дискурсе выполняет ряд функций в процессе развертывания аргументации: 1) усилительную функцию; 2) концептуализирующую функцию; 3) эпистемологическую функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.
2. Вайс Д. Депутаты любят цитаты: ссылки на ксенотексты в Госдуме // Русский язык сегодня. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. Вып. 5 : Проблемы речевого общения. С. 64—75.
3. Вайс Д. Интертекстуальность в Госдуме // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28.08.2014) / гл.ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2014. С. 43—45.
4. Захава Б. Е. Мастерство актера и режиссера. — М., 1973.
5. Колмогорова А. В. Коммуникативное лицедейство в общении матери с ребенком // Вопросы психолингвистики. 2012. Вып. 15. С. 102—109.
6. Колмогорова А. В., Косинова Е. В. Реальная и переполненная языковые личности немецкого актера // Вестн. Харьков. национального ун-та им. В. Н. Каразина. 2013. Вып. 73. С. 12—19.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. — М. : Рус. яз, 1987.
8. Серюо П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М. : Прогресс, 1999.
9. Шильман М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2006.
10. Charaudeau P. A communicative conception of discourse // Discourse studies. — London, 2002. Vol. 4, No. 3. P. 301—318.
11. Charaudeau P. Un modèle socio-communicationnel du discours. Entre situation de communication et stratégies d'individuation // Médias et Culture. Discours, outils de communication, pratiques : quelle(s) pragmatique(s) ?. L'Harmattan. — Paris, 2006. Numéro special. P. 15—40.
12. Charaudeau P. L'argumentation dans une problématique d'influence // Argumentation et Analyse du Discours. 2008. № 1. URL: <http://aad.revues.org/index193.html> (дата обращения: 23.11.2012).
13. Chilton P.A., Schaeffner C. Discourse and politics // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction / T. A. van Dijk (ed.). — London, 1997. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. P. 206—230.
14. Dijk T. A. van. What is political discourse analysis? — Amsterdam : Benjamins, 1997. P. 11—52.
15. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17 (2). P. 359—383.

A. V. Kolmogorova, M. Y. Shestakov
Krasnoyarsk, Russia

PRAGMATIC FUNCTIONS OF COMMUNICATIVE ACTING IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article explores the role and functions of communicative acting in the Russian political discourse. On the material of one pre-election speech of V. V. Zhirinovskiy it argues that communicative acting carries out strengthening, conceptualizing and epistemic functions in persuasive communication of a politician addressing his electorate.*

The research methodology key concepts are borrowed from critical discourse analysis. The main steps of discourse examination follow the guidelines of the French school of persuasive discourse analysis: identification of discourse key concepts and description of rhetorical operations including the analyzed phenomenon of communicative acting, definition of the function of communicative acting in the organization of a politician's discourse.

As the results of the undertaken analysis show, communicative acting is found among the most important components of argumentative rhetoric: self-positioning and proving correctness of one's own position. It forms a conceptual outline of discourse and creates epistemic illusions (things originally considered as "beliefs" or naive stereotypes are now perceived as knowledge). Therefore, the author concludes that in the process of argumentation in political discourse, communicative acting performs such functions as strengthening, conceptualizing and epistemic function.

KEY WORDS: *political discourse; communicative acting; persuasive discourse; argumentation; pragmatics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kolmogorova Anastasia Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shestakov Mikhail Evgenievich, Post-graduate Student of Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

LITERATURE

1. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika. Uchebnoe posobie. M. : Flinta, Nauka, 2008. 352 s.
2. Vays D. Deputaty lyubiyat tsitaty: ssylki na ksenoteksty v Gosdume // Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 5: Problemy rechevogo obshcheniya. — M. : FLINTA: Nauka, 2012. — S. 64-75.
3. Vays D. Intertekstual'nost' v Gosdume // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch.konf. (Ekaterinburg, 26-28.08.2014) / gl.red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2014. S. 43-45.
4. Zakhava B. E. Masterstvo aktera i rezhissera. — M., 1973. 233 s.
5. Kolmogorova A. V. Kommunikativnoe litsedeystvo v obshchenii materi s rebenkom // Voprosy psikholingvistiki. 2012. Vyp.15. S. 102-109.
6. Kolmogorova A. V., Kosinova E. V. Real'naya i perevoploshchennaya yazykovye lichnosti nemetskogo aktera // Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V. N. Karazina. 2013. Vyp.73. S. 12-19.
7. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / pod. red. chl.-korr. AN SSSR N. Yu. Shvedovoy. — 18-e izd., stereotip. — M. : Russ. Yaz, 1987. 797 s.
8. Serio P. Kak chitayut teksty vo Frantsii // Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa. M. : Progress, 1999. 415 s.
9. Shpil'man M. V. Kommunikativnaya strategiya «rechevaya maska» (na materiale proizvedeniy A. i B. Strugatskikh): avtoref. dis. kand. filol. nauk. — Novosibirsk, 2006. 26 s.
10. Charaudeau P. A communicative conception of discourse // Discourse studies. vol. 4, no. 3. London, 2002. P. 301—318.
11. Charaudeau P. Un modèle socio-communicationnel du discours. Entre situation de communication et stratégies d'individuation // Médias et Culture. Discours, outils de communication, pratiques : quelle(s) pragmatique(s) ?. L'Harmattan. Paris. 2006. Numéro special. P. 15—40.
12. Charaudeau P. L'argumentation dans une problématique d'influence // Argumentation et Analyse du Discours. № 1. 2008. URL : <http://aad.revues.org/index193.html> (дата обращения 23.11.2012).
13. Chilton P.A., Schaeffner C. Discourse and politics. // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. T.A. van Dijk (Ed.). London, 1997. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. 206-230 p.
14. Dijk. T.A. van What is political discourse analysis? Amsterdam: Benjamins. 1997. 11-52 p.
15. Dijk. T.A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. №17 (2). 359-383 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. В. Фельде.